

К. Богун

«МАМОЦЕНТРИЗМ» КАК ПРИНЦИП ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХОВ В СКАЗКАХ ТУВЕ ЯНССОН

Автор статьи рассматривает антифобальный дискурс сказочных повестей Туве Янссон о Муми-троллях, выявляет основные приемы его формирования. Основу антифобального содержания автор раскрывает через экспликацию принципа мамоцентризма. Данный принцип конкретизируется через софийную, сотериологическую и сакральную функции Муми-мамы. «Мамоцентризм» так же несет в себе иерофанию «многослойного» в культурном и религиозном отношении теоцентризма. Об этом свидетельствуют отдельные фрагменты сюжетов древнегреческой религии, библейские аллюзии и аскетические практики доброго помысла, присутствующие в текстах цикла о Муми-троллях

Ключевые слова: онтология, страх, эсхатологические мотивы, антифобальные практики, сакрализация, иерофания, теоцентризм, «мамоцентризм».

Преодоление различных страхов является одним из лейтмотивов социализации ребенка и, в то же время, представляется нам важнейшей темой сказочных повестей Т. Янссон о Муми-троллях. Антифобальный дискурс Муми-семейства в значительной степени был ответом на вызовы Второй мировой войны, которая поставила человека лицом к лицу не с обычными страхами и повседневными тревогами, но с великими ужасами. Известно, что писательница придумала мир муми-троллей для того, чтобы и самой отвлечься от тревоги, порожденной военным временем. Эта ситуация перекликается с сюжетом из древнегреческой мифологии, где дочь богини любви Афродиты и бога войны Ареса — Гармония (в данном случае гармония, царящая в Муми-долине) оказывается родной сестрой братьев Фобоса и Деймоса — Страх и Ужас [Лосев 1987, с. 133]. Можно говорить о том, что произведения Т. Янссон из цикла о Муми-троллях — это литературный «антифобант» (по аналогии с термином «антидепрессант»), который эффективен и для детей, и для взрослых.

Антифобальные смыслы саги о Муми-троллях выражены, с нашей точки зрения, при помощи трех основных художественных

приемов. Во-первых, сцены опасности, исходящей от таинственных сил природы, находящихся на грани космоса и хаоса, чередуются с умильными сценами семейного благополучия или описанием домашнего уюта, вынесенного на некоторое время вне дома (грот, палатка, сад, плавающий театр и т. п.). При этом домашний мир изображается незыблемым, несмотря ни на какие катастрофы, а последние оказываются в роли наиболее радикальных средств обнаружения этой незыблемости. Все это утверждает ребенка в оптимистическом мировосприятии, для которого бессилие зла, закономерность победы добра над злом — фундаментальные характеристики бытия.

Вторым приемом является нивелирование потестарных отношений или отношений власти и насилия в пользу союзов любви и дружбы, основанных на свободном выборе. Государство, его учреждения и служащие, законы (интерпретируемые автором исключительно как запреты и ограничения), наказания — все это в сказках фрагментально, не бытийственно и находится на периферии сюжетных коллизий (правда, у Т. Янссон есть образ идеального правителя в «Мемуарах Муми-папы», но это уже другая тема). И третьей, — основной, с нашей точки зрения, причиной антифоббиального эффекта сказок является то, что они превращают читателя в виртуального жителя особой реальности. В этой реальности малейший назревающий конфликт, минимальная агрессия в форме раздражения или неприязни моментально врачуются пониманием, сочувствием, утешением, заботой, игрой, приключением, подарком и всем тем, что представляет собой разные проявления любви.

Все названные причины вытекают из единого основания «Муми-онтологии». Это основание, с нашей точки зрения, вполне корректно выразить в форме принципа «мамоцентризма», несущего в себе, возможно, на уровне нерелефлексивной части культурной памяти (или коллективного бессознательного, согласно К. Юнгу), иерофанию теоцентризма. Речь идет о присутствии трансцендентного в имманентном, сакрального в обыденном. Именно такому феномену известный религиовед и культуролог М. Элиаде дал название «иерофания» [Элиаде 1994, с. 18].

Прежде всего, мамоцентризм проявляется в сказках Т. Янссон в удивительном всезнании Муми-мамы — всезнания, совершенно имманентного ее загадочной природе. Когда комета завершила свой зловеющий полет над долиной, Муми-тролль обращается к маме (именно к маме, а не к папе или Ондатру): «Мама, теперь

все?» И она отвечает: «Все, маленький мой Муми-сын. Теперь все хорошо...» [Янссон 1991 б, с. 159]. Когда Муми-семейство вынуждено спастись от наводнения на крыше своего дома, а вода угрожающе прибывает, мама сохраняет полное спокойствие: она совершенно определенно *знает*, что спасение прибует с минуты на минуту. Мама приготавливает великолепный торт в честь путешествующего в дальних краях сына именно к моменту его возвращения. Когда Муми-семейство оказывается на таинственном острове, мама отправляет детей обследовать остров на предмет возможных опасностей. То есть она не только понимает, чем они больше всего хотят заняться, но и обладает знанием того, что ее детям в данном случае ничто не угрожает. Точно так же мама всегда знает, как победить папину хандру или переориентировать его абстрактную устремленность к «свободе-от» (символом которой в папином сознании являются хатифнатты) в направлении «свободы-для», последовательным воплощением которой является сама Муми-мама. Именно последняя форма свободы, дополняемая маминым всезнанием и всепониманием, делает маму несомненным центром бытия, сконструированного Т. Янссон.

Однако это знание имеет особый характер — оно является всеохватывающим не в силу количества включенной в него информации, а благодаря его софийности. Автор, как нам кажется, воспроизводит традиционное еще со времен античной философии *противопоставление знания как мудрости и многознания*. Например, мама не знает, когда именно прилетит комета (здесь требуется консультация *узких* специалистов — профессоров из обсерватории в Дальних горах). Мама не владеет иностранными языками (как, например, Хемуль, знавший латынь и понимавший язык Тофслы и Вифслы). Когда ей сообщают, что новые ее гости — иностранцы, она озабочена тем, как можно будет понять, «что они захотят на третье на свой день рождения и сколько подушек им надо под голову» [Янссон 1991 г, с. 105]. Маме позволено не знать что-то частное, какую-то не очень важную деталь. Она, например, никогда не видела почтовые марки и называет их «противными липкими бумажками». Она может мемуары назвать «мемаурами» и т. п. Но всеми этими частностями именно и подчеркивается ее *онтологическая правота* — правота в главном, в самом существенном, что является сродненным с особой (по сравнению с другими персонажами) природой ее бытия. Вполне возможно, что и слово «мемауры» она умышленно произнесла неправильно, чтобы дать

возможность папе лишний раз почувствовать себя более умным. Мама не нуждается в чувстве превосходства, и она никогда не утверждается за чужой счет. Она *на самом деле* превосходит всех героев сказок Туве Янссон тем, что она олицетворяет некую эманацию благого начала бытия.

В различных сказках о Муми-троллях мы находим неоднократно упоминание о том, что мама может найти выход из самой сложной ситуации. Например, когда становится известным время приближения кометы к земле, Муми-тролль предлагает всем искать убежище в Муми-долине на том основании, что «мама... что-нибудь да придумает» [Янссон 1991 б, с. 90]. Только мама оказалась способной разрушить чары волшебной шляпы, превратившей Муми-тролля в уродливое существо. Она является последней надеждой для несчастного «короля Калифорнии», и он взывает: «Мамочка, погляди на меня, уж ты-то должна узнать свое муми-дитя» [Янссон 1991 г, с. 29]. Даже в «форс-мажорной» ситуации, когда семейство прячется от кометы в гроте, для Ондатра, случайно севшего в торт, у мамы находится тазик с водой, чтобы он не чувствовал себя липким после случившегося с ним конфуза.

Стериологическая функция Муми-мамы распространяется не только на живых существ, но и на предметы. Например, мама вырывает на огороде все овощи, чтобы ничего не досталось «противной комете». Мамино тесто, подготавливаемое к торту в честь возвращающегося Муми-тролля, совершенно волшебным образом притягивает унесенные ураганом марки Хемуля. Не только Муми-дом и его обитатели, но даже маленький берестяной кораблик, сделанный мамой в подарок сыну, не пропадает во время наводнения, вызванного цунами. Интересно, что мама мастерит *спасательную* шляпку к потерянному кораблику именно тогда, когда Муми-тролль находит свой кораблик, чудесно спасшийся во время наводнения. Мама никогда не навязывает детям нечто из каких-либо абстрактных соображений: например, если тарелки можно заменить листиками лопуха, она тут же согласится, что тарелки можно оставить дома. Но уж если она что-то считает нужным, то это действительно так, независимо от первоначального впечатления. Даже совершенно бесполезные, с точки зрения Муми-тролля, штаны, уложенные мамой в багаж, *обязательно пригодятся*. И не просто пригодятся, но даже *спасут* маленьких путешественников от крокодилов. И когда это приключение благополучно закончится, Муми-тролль скажет: «Мама была права. Штаны, действительно,

пригодились». В приведенных примерах, несомненно, просматривается *иерофания прозорливости*.

Производной от сотериологической выступает *функция утешения*. Лучше Муми-мамы никто не может понять, ободрить, похвалить, успокоить. Утратившей свою челку и горько рыдающей фрекен Снорк мама обещает прекрасное средство для отращивания вьющихся волос. Сумка Муми-мамы кажется наилучшим спальным местом маленьким иностранцам Тофсле и Вифсле. На празднике в честь нахождения сумки Муми-мамы все гости, включая и самого волшебника, могут осуществить свои самые смелые мечты. Даже для Морры, которую никто не любит, у мамы находится утешение — вместо рубина чудище получает волшебную шляпу, способную совершать самые невероятные превращения.

Особенно явственно утешительная функция проявляется в тех ситуациях, когда мама помогает детям преодолевать страхи. Можно привести множество соответствующих примеров. Снифф бросается к маме и зарывается носом в ее передник, вопя о страшных угрозах, исходящих от тайного общества. Успокаивая Сниффа, мама говорит: «Пока я с тобой, этого не будет» [Янссон 1991 б, с. 31] и переключает его внимание с воображаемых ужасов на обыденное и приятное занятие: она просит его вылизать блюдо с пенкой от варенья. Совсем незнакомая мартышка прижимается в страхе к Муми-маме, чувствуя себя в безопасности в ее объятиях.

Одним из распространенных на войне детских страхов является страх сиротства, против которого Т. Янссон предлагает все те же средства, выраженные в принципе «мамоцентризма». В ее сказках Муми-мама — это не только персональная мама Муми-тролля, — это мама всех потерянных или оставленных детишек, для которых у нее всегда найдется вкусная еда, уютное местечко для сна и, главное, совершенно естественная включенность в жизнь большого семейства. Вновь прибывшим детям не надо привыкать к новой обстановке, потому что они с самого начала ощущают себя так, будто они вернулись в свою, родную семью. Даже бедная малышка, ставшая от постоянного страдания невидимой, не только постепенно обретает свой первоначальный вид, но и начинает делать то, что делают совершенно нормальные, счастливые дети — играть, смеяться, хулиганить. Этим она несказанно радует Муми-мату [Янссон 1991 а]. Несомненно, эти примеры прекрасно вписываются в сакрализованный конструкт образа мамы как некой одухотворенной любовью вневременной реальности. И в этом основная загадка

Муми-мамы как онтологического центра, к которому тяготеют все другие сказочные существа.

В поведении большинства мам по отношению к своим детям возможны две крайности: безразличие («я занята», «не мешай», «отстань» и т. п.) и патологическая озабоченность, отягощенная множеством страхов по поводу реальных и мнимых опасностей, грозящих ребенку. В первом случае мама дает ребенку свободу, но он не получает любви. В результате он сам становится не способным к преодолению эгоизма. Во втором случае мать лишает ребенка творчества, возможностей самостоятельного познания бытия и формирует в нем неистребимый даже во взрослом возрасте инфантилизм. Муми-мама не принадлежит ни к одним, ни к другим. Ее поведение является олицетворением аристотелевской золотой середины в плоскости разумной заботы о ребенке. При этом для самой Муми-мамы бытие не эгоцентрично, а полицентрично. Для нее каждое существо представляет собой смысловой центр, на точку зрения которого она всегда готова стать не из чувства долга, а исходя из избытка любви.

Спокойствие и оптимизм Муми-мамы основаны на глубочайшей уверенности в соответствии того, что происходит (или, лучше сказать, «бывает»), благому началу бытия и нравственному устройению каждого живого существа. Сидя на крыше тонущего дома, мама совершенно спокойно говорит: «Я сижу здесь и жду, когда появится наш новый дом. Лишь у негодяев все плохо заканчивается» [Янссон 1991 в, с. 31].

Именно поэтому она не запрещает Муми-троллю и Сниффу отправиться в Далекие горы, не волнуется о путешествующем в далеких землях Снусмумрике, не рыдает об упавшей в люк малышке Мю, не тоскует об оставшихся на дереве Муми-тролле и фрекен Снорк и т. п. Она просто помнит, ждет, надеется и верит, что все будет хорошо. И когда малышка Мю кричит, что скоро все сгорит — «все дома, сады, игрушки муми-троллей, сгорят даже их маленькие братики и сестрички», мама ее энергично останавливает: «Глупости говоришь!» [Янссон 1991 в, с. 7].

Фундаментальная «антифиобильность» мамы связана с ее онтологической функцией превращения зла в добро. Это преобразование осуществляется ею несколькими способами, среди которых основным, пожалуй, является практика доброго помысла. В отличие от Муми-мамы Ондатр, убеждающий всех, что он смотрит на мир с философской точки зрения, страдает мнительным преувеличе-

нием размеров и последствий различных неприятностей. Кроме того, Муми-мама незаметно для всех а, возможно, и для себя самой, выступает трансформатором негативной энергии, которую она преобразует на благие дела. Раздражение простуженного папы Муми-мама совершенно естественно переводит в плоскость литературного творчества, отыскивая подходящую для мемуаров тетрадь. Капризы малышей мама предотвращает достаточно широкой свободой детского творчества, удовлетворяя их фундаментальную потребность в познании мира и в занимательных приключениях.

Принцип мамоцентризма находит свою опору в сакрализованной истории Муми-мамы — истории, напоминающей сюжет рождения Афродиты: во время ужасного шторма Муми-мату выносит к берегу большой волной, и Муми-папа подхватывает ее. В этой истории остается не совсем понятным, спасал ли ее Мумитроль старший, или, наоборот, она была явлена ему как спасительное начало бытия, а история о «спасении» мамы папой была своеобразной семейной легендой, способствующей повышению статуса последнего. Кроме того, если Муми-папа имеет свою историю, описанную со времени самого раннего его детства, то о детстве Муми-мамы не известно вообще ничего. Это усиливает мамоцентризм как принцип, поскольку подлинный бытийственный центр должен быть вневременным. Именно маме доверяет семья совершать ритуальные и сакральные действия — выбор названия корабля и его освящение.

Помимо ассоциаций с Афродитой, не менее обоснованным выглядит сравнение Муми-мамы с Гестией. Эта высоко чтимая в древнегреческой религии богиня домашнего очага, согласно высказыванию известного исследователя античных религий Ф. Зелинского, вырастает из имманентного божества в трансцендентное. Сначала она отождествляется с домашним очагом, потом она понимается как богиня-личность, сестра Зевса. А результатом ее поздней трансцендентализации является то, что Гестию очень редко изображают, не ставят в храмах ее кумиров, а почитают исключительно в качестве символа неугасимого огня [Зелинский 2010, с. 66]. В образе же Муми-мамы мы видим «следы» обратной трансформации — от трансцендентного божественного начала к имманентному, сохраняющего в себе бытийственность вневременного благого начала. Платон в диалоге «Кратил» предлагает интересную этимологию слова «Гестия». Он считает, что в данном случае речь идет о сущности вещей [Доброхотов 1980, с. 26]. У другого античного

философа — Филолая — мы находим отождествление Гестии с огнем, находящимся в центре бытия, с «домом Зевса, матерью и алтарем богов, связью и мерой природы» [Доброхотов 1980, с. 26]. С ним созвучны и высказывания Парменида, согласно которому Гестия — богиня, которая всем управляет и, в то же время, является центральной мерой природы [Доброхотов 1980, с. 26]. Естественно, мы не можем говорить о прямом перенесении этих характеристик на образ Муми-мамы, но некоторые иерофантические аллюзии здесь несомненны.

Соответствующая стихийная сакрализация образа Муми-мамы проявляется и в том, что можно назвать «мини-иконографией». Из всех муми-троллей и снорков только Муми-мама изображается во всех ситуациях с неизменным предметом, который является ее своеобразным символом. Речь идет о сумке Муми-мамы. Эта сумка такая же «вневременная», как и сама Муми-мама, потому что она появляется вместе с Муми-мамой, вынесенной к берегу волной. И в этой сумке есть все, что может понадобиться в самых различных ситуациях. Конечно, сумка Муми-мамы — это не рог изобилия, но намек на источник бесконечных благ здесь, безусловно, присутствует. В качестве сакрального предмета сумка обладает антифобильными качествами ее владелицы. Не случайно эту сумку облюбовали для безмятежного сна два перепуганных Моррой «инострнца» — Тофсла и Вифсла. По этой же причине мы видим маму утратившей полноту своего сакрализованного образа, когда они утащили ее сумку. Ощущение этой ситуации мама выразила словами, что она теперь *сама не своя*. И поэтому самый грандиозный праздник в Муми-долине происходит не после окончания холодной зимы или благополучного завершения какого-либо приключения, и даже не в честь написания папиных мемуаров (это событие дополняет *мамин* праздник), а в связи с нахождением сумки. Вся долина радуется этому возвращению сакрализованного предмета, и соответствующий праздник завершается целым фейерверком даров от волшебника, исполняющего самые смелые желания всех жителей долины. Пожалуй, неоспоримое первенство этого праздника перед всеми другими отмечаемыми в долине днями как ничто другое подчеркивает принцип мамоцентризма.

Этот принцип реализуется и в несомненном превосходстве Муми-мамы по сравнению с волшебником. Для волшебника смысл жизни сокрыт в самом большом и прекрасном рубине. А мама собирает в своем доме не богатства, а разных существ, нуждающихся

в дружбе и любви (как мы знаем, к драгоценностям она совершенно равнодушна). Это же преимущество мамы перед волшебником видно и в их сокровенных желаниях. Муми-мама загадывает самое необычное желание во всей долине — она хочет, чтобы грусть не томила сердце ее сына в разлуке с другом. Здесь, несомненно, угадывается фрагмент евангельского понимания сокровищ.

Таким образом, принцип мамоцентризма в сказках Т. Янссон несет в себе иерофанию «многослойного» в культурном и религиозном отношениях теоцентризма. При этом в онтологеме божественного начала бытия переплетаются сюжеты древнегреческой религии с библейскими аллюзиями (хождение по дну моря, великий потоп), эсхатологическими мотивами, евангельскими темами (в частности, темы свободы и творчества) и даже элементами христианской аскетики (практика доброго помысла). И все эти иерофании служат основному замыслу автора — борьбе со страхом и унынием, утверждению веры в непобедимость добра.

Источники

Янссон Т. а Дитя-невидимка / Пер. Л. Ю. Брауде. М.: Имидж, 1991.

Янссон Т. б Муми-тролль и комета / Пер. Л. Ю. Брауде. М.: Имидж, 1991.

Янссон Т. в Опасное лето / Пер. Л. Ю. Брауде. М.: Имидж, 1991.

Янссон Т. г Шляпа волшебника / Пер. Л. Ю. Брауде. М.: Имидж, 1991.

Исследования

Доброхотов А. Л. Учение досократиков о бытии / А. Л. Доброхотов. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Зелинский Ф. Ф. История античных религий: Древнегреческая религия. Религия эллинизма. Рим и его религия. Римская империя и христианство / Ф. Ф. Зелинский. Ростов н/Д: Феникс, 2010.

Лосев А. Ф. Афродита / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 132–135.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.